

Становится туманно.

Белый туман медленно спускался с неба, безмолвно окутывая каждый уголок города. Когда он надвигался на окна домов, вид внезапно становился белым, и люди больше не видели нежити снаружи.

Нельзя сказать, что он совсем невидим. По крайней мере, немертвый человек, цепляющийся за окно и бьющий себя руками, всё ещё виден, но он — лишь тёмная тень.

Если присмотреться, то могло показаться, что стучащий в дверь — обычный человек.

По мере того как белый туман становился все больше и гуще, их стук постепенно замедлялся, становясь медленным и глухим, один стук за другим, как будто они стучали в сердца людей за дверью.

Пока звук постепенно не прекратился.

Никто не произнес ни слова, и во всем городе воцарилась тишина.

Безмолвный город, окутанный густым туманом, словно превратился в мертвый город.

И в комнате госпожи Зоры было так же мирно.

Ронггуй, Сяомэй и Хана сейчас находятся в комнате госпожи Зоры. С помощью патрульной команды им наконец удалось выбраться из дома, окружённого зомби.

Они остались в гостиной на первом этаже, где обычно собирались втроём, плотно закрыв двери и окна. Хосен Линд почему-то следил за ними, но двери и окна, которые Сяомэй чинил каждый день, были очень крепкими. Он мог только стоять у окна и смотреть, но никак не мог попасть внутрь.

В тот момент, когда густой туман вот-вот должен был рассеяться, Сяомэй протянул Хане противогаз. Прежде чем девочка успела среагировать, Ронггуй уже неуклюже помог ей надеть маску на лицо.

«Я помню, госпожа Зора, похоже, не принимала эликсир жизни. Ей тоже нужно надевать маску?» — спросил Ронггуй у Сяомэя, убедившись, что маска надёжно закреплена на лице Ханы.

«В этом нет необходимости. Противоядие очень узконаправленное и действует только на тех, кто принял эликсир жизни», — спокойно сказал Сяомэй.

И этим людям... не обязательно быть бессмертными.

Бессмертие и смерть не являются высшим совершенством существования — в этот момент Сяомэй, чье настоящее имя — Ашишви Мессерталь, внезапно задумался об этом.

Он так подумал, но это была всего лишь мысль, и он не произнес ее вслух.

Затем он снова подумал о днях, когда он не состарится и не умрет.

Он снова погрузился в лабиринт мыслей.

Сяомэй задумался, но для внешнего мира он выглядел так, будто находился в оцепенении.

Уперев руки в колени и высоко подняв икры, миниатюрный Сяомэй сидел на диване с серьезным выражением лица. Она сидела спиной к окну и двери. С точки зрения Ронггуй, за спиной Сяомэя висела густая белая дымка.

В отличие от остальных, которые нервно смотрели в окно, Сяомэй не собиралась оглядываться.

Он не был удивлен исходом дела.

Он знает, что произойдет.

Всякий раз, когда Ронггуй смотрит на Сяомэя таким образом, его настроение успокаивается.

Но Сяомэй сидела одна на диване, на котором могли бы поместиться еще семь или восемь Сяомэй, и смотрел...

Диван в доме миссис Зоры действительно слишком большой~

Похлопав Хану по плечу, Ронггуй подбежал к дивану, где сидел Сяомэй, и легко запрыгнул на него. Диван был таким мягким и упругим, что Ронггуй потерял равновесие и был прижат к Сяомэю. Не двигаясь, Ронггуй и Сяомэй сидели рядом на большом диване, плечом к плечу и бедром к бедру.

Диван по-прежнему очень большой, но с двумя маленькими роботами, сидящими рядом, он совсем не выглядит одиноким.

Взгляд Ханы скользнул от Ронггуй и Сяомэя, а затем она посмотрела вверх голов двух маленьких роботов в окно позади них.

Снаружи было чисто-бело.

За этим чисто-белым окном находится Хосен Линд.

Она поняла это, потому что другой человек крепко прижимал одну руку к стеклу, словно пытаясь удержаться за что-то, и стоял так твердо.

Поскольку на Хане был полностью закрытый противогаз с собственным кислородным баллоном, она не слышала никаких звуков снаружи.

Она слышала только звук собственного вдоха и выдоха.

Один звук за другим, не слишком долго, как звук, который вы слышите через стетоскоп.

Она ошеломлённо смотрела на улицу, пока тёплые руки не легли ей на плечи. Она подняла глаза и увидела, что это миссис Зора.

Глядя на решительный подбородок старухи, Хана постепенно избавилась от последнего смущения. Когда она снова посмотрела в окно, её взгляд был таким же твёрдым, как и у всех остальных в комнате.

Она продолжала смотреть так до тех пор, пока рука Хосен Линда, прижатая к окну, внезапно не исчезла, а она по-прежнему не отводила взгляд.

Девочка стояла, словно маленькая статуя, выпрямившись. Присмотревшись, можно было заметить, что её поза была удивительно похожа на позу старушки позади неё.

Она стояла там и стояла до тех пор, пока густой туман полностью не рассеялся и вся система освещения города снова не включилась на полную мощность.

В этот момент край густого белого тумана словно украсился слоем золота, словно солнце, появляющееся после того, как облака расступились.

Противоядие введено!

—

Когда люди снова осторожно открыли двери и окна и выглянули наружу, они увидели плотно упакованные трупы нежити, лежащие на земле.

На этот раз они действительно были мертвы.

Горожане сначала разразились ликованием, а потом, когда снаружи начали убирать трупы бывшей нежити, все снова затихли.

Этот день впоследствии получил название «Суббота».

Трупы нежити были надёжно захоронены на кладбищах за пределами города. Вместо того чтобы кремировать их тела или выбросить их на специальное кладбище, жители Цицерона в конечном итоге решили жить рядом с кладбищами.

Плотно стоящие надгробия снаружи постоянно напоминали им о том, что здесь произошло, и в последующие дни они вспоминали об этом каждый раз, когда готовили лекарство, и действовали более осторожно.

Тело Хосен Линда было похоронено ими вместе.

Ронггуй и Сяомэй были ответственны за переноску тела ← ну, они уже имели опыт в этой работе, а затем Хана была ответственна за рытье ямы.

Ронггуй и Сяомэй все еще были искусными рабочими в рытье ямы, но Хана отказалась от его помощи и настояла на том, чтобы вырыть глубокую яму самостоятельно с помощью большой лопаты, которая была почти такой же высокой, как она сама, а затем положить туда тело Хосен Линда.

После того как надгробный камень был установлен, его семья, естественно, взяла на себя заботу о кладбище в последующие дни.

Помимо похорон Хосен Линда, Хана также перезахоронила своего отца.

Его похоронили рядом с матерью. Во время похорон Хана обнаружила, что земля на могиле матери не была потревожена, и никакого противоядия не было. Однако женщина действительно не собиралась переезжать.

То же самое и с крупным парнем.

Ронггуй положил на его могилу еще один фиолетовый цветок, распустившийся сегодня утром.

Что касается того, почему эликсир жизни был выпущен и почему он стал запрещенным препаратом, который чуть не уничтожил весь город... Поскольку обе стороны, причастные к этому, мертвы, так называемая истинная правда, вероятно, никогда не будет известна.

Ронггуй твердо убежден, что правда именно такая, как и предположил Сяомэй.

Однако сообщать об этом другим было неразумно. К тому же, Ронггуй не мог позволить себе говорить о ком-то плохо после его смерти. Поэтому, когда капитан патруля пришёл для очередного расследования, он сказал ему, что Хана всё ещё приходила каждый день изучать противоядие после смерти отца.

Ронггуй умеет рассказывать истории~

Он даже довел до слез капитана патруля!

Тогда Ронггую не придется беспокоиться о том, что произойдет дальше.

Когда они снова отправились за город, чтобы посетить могилу отца Ханы, Хана была готова увидеть, как могила ее отца будет разрушена вдребезги, но неожиданно там оказалось посажено много цветов!

Э-э... Поскольку в городе Цицero практически нет других растений, кроме трав, сажают только цветущие травы. Но неважно, травы это или нет, это ещё и цветы!

Могила аптекаря Ханаренса покрыта цветущими растениями.

Последние несколько дней фармацевты города Цицero были заняты рытьем ям для захоронения тел.

Вероятный день разрушения города, запечатлённый в памяти, наконец прошёл. Ронггуй тонко чувствует, что Сяомэй, похоже, наконец-то вздохнул с облегчением. Когда его спрашивают, он молчит, и Сяомэй снова начинает действовать.

Мощный питательный раствор был полностью готов, и он обработал им тело Ронггуя.

Это не просто замачивание. Необходимо постоянно наблюдать за изменениями различных показателей организма и при необходимости вводить дополнительные питательные вещества.

Сяомэй очень занят.

Ронггуй тоже был очень занят. Во время приготовления лекарств большая часть трав в саду госпожи Зоры была выкопана! Не думаю, что это конец. Фармацевты, которые раньше брали здесь травы, начали возвращаться один за другим!

Конечно, они взяли материалы у госпожи Зоры, поскольку им не хватало этих трав, и, естественно, не могли предоставить те, которые забрали раньше. Однако у них были свои особые травы.

Почти каждый фармацевт открывает небольшой садик в своём дворе, специализируясь на выращивании трав, которые он чаще всего использует. Теперь они приезжают сюда с этими растениями, чтобы вернуться.

В эти дни Ронггуй и Хана были заняты посадкой этих трав на вырытых ранее участках земли.

Сначала мне нужно разобраться с госпожой Зорой, а потом зайти к Хане, чтобы убраться в магазине. Нужно починить пол, заменить двери и окна. Почти все в городе этим заняты, так что нанять подсобных рабочих сложно~ Но они справляются.

У них дома есть Сяомэй~

Сяомэй, внимательно наблюдавший за физическими данными Ронггуя, понятия не имела, что Ронггуй снова думает о нём.

=- =

Но Ронггуй не единственный, кто думает о Сяомэе. Сяомэй об этом не знает, но все в городе думают о нём!

Хотя президент Ассоциации фармацевтов скончался, а новый президент не будет избран в ближайшее время, почти все жители города начали думать о регистрации противоядия от эликсира бессмертия в фармакопее.

Фармакопея остается неизменной, но президент Ассоциации фармацевтов со временем меняется.

Для жителей Цицерона их основой является фармакопея в библиотеке. Реконструкция города ещё не завершена, но некоторые уже начали предлагать немедленно включить новый рецепт в фармакопею.

Во время зомби-атаки рецепт был решительно обнародован. Такой вид рецепта, который всем известен, — это характерная черта фармакопейных рецептов!

И вот однажды несколько оставшихся старых фармацевтов из Ассоциации фармацевтов, дрожа от страха, пришли и постучались в дверь. Они пришли обсудить с Сяомэем, что написать в фармакопее.

Изобретателями препарата являются господин Ханаренс и Сяомэй. Будучи единственным фармацевтом в истории города Цицеро, дважды упомянутым в фармакопее, имя Ханаренса стало настоящей достопримечательностью, возвышаясь над всеми фармацевтами, словно гора, на которую равняются и стремятся превзойти будущие поколения.

Когда речь заходит о причинах создания лекарств...

Сяомэй перестал писать, потому что больше не мог этого делать.

Единственной причиной, по которой он создал лекарство, было желание уберечь город от разрушения. Они были изолированы, и город рано или поздно был бы разрушен. Он не хотел погибнуть вместе с городом.

Проще говоря, именно поэтому он принял участие в создании противоядия.

Но я не могу назвать эту причину!

Почему вы так уверены, что город будет разрушен? Я не могу этого объяснить!

Поэтому Сяомэй передал эту часть Хане.

Будучи наиболее важным лицом в этом вопросе и единственной живой стороной, вовлеченной в него, Хана, несмотря на свой молодой возраст, является наиболее квалифицированным человеком для написания этой части текста, помимо Сяомэя.

Хана задумалась и наконец записала историю своей предыдущей болезни.

«Мой отец изобрёл эликсир жизни, чтобы вылечить меня. Не знаю, как рецепт прошёл проверку и был внесён в фармакопею как универсальное лекарство, но изначально отец намеревался вылечить меня».

Лежа на столе, Хана серьезно писала.

Решив не скрывать свою болезнь, он также вынужден был признать, что эмбрионы для противоядия были получены из клеток Ханы. Ронггуй поначалу забеспокоился, но слова Сяомэя успокоили его:

«На самом деле, сделать это публично вполне реально. Если мы этого не сделаем, некоторые люди всё равно будут принимать эликсир бессмертия и надеяться на лучшее».

«Поскольку есть противоядие, они не беспокоятся».

«Пока они не узнали, что необходимые ингредиенты для противоядия получают из человеческого тела, и только из человеческого тела».

«После смерти Ханы существует высокая вероятность того, что противоядие от эликсира

жизни больше никогда не будет создано в этом мире».

«Осознав это, большинство людей, вероятно, больше не будут рисковать».

«Но если Хана так поступит... разве это не будет очень опасно?» У Ронггуй всё ещё оставались некоторые сомнения.

«Не совсем. Если эликсира жизни не будет, Хана будет в безопасности. В будущем люди, вероятно, больше не будут создавать эликсиры жизни», — ровный голос Сяомэй вселял в людей чувство надежности и спокойствия.

После того, как Хана закончила писать, Ронггуй позвал Сяомэй проверить девушку на опечатки и грамматические ошибки. Конечно, проверяла в основном Сяомэй. Убедившись в отсутствии ошибок, Сяомэй переписал слова Ханы на специальную бумагу, предоставленную ему Ассоциацией фармацевтов.

Фармакопея будет написана точно так же, как на этом листе бумаги. Существует только один экземпляр, и он не подлежит изменению.

Сяомэй написал имя фармацевта Ханаренса, а после его имени поставил свою подпись.

«О! Сяомэй, ты неправильно расписался!» Ронггуй счёл это большой честью и отнёсся к этому очень серьёзно. Закончив писать, он тут же поднял бумагу и дважды подул на неё. В этот момент он и обнаружил ошибку в почерке Сяомэя.

Сяомэй тоже может писать с ошибками!?

Это просто... невероятно!

Хана тут же наклонила голову, чтобы взглянуть на бумагу в руке Ронггуй. Хотя она не могла видеть, госпожа Зора тоже наклонила голову. Видно, насколько глубоко укоренился в сердцах людей образ Сяомэя, не допускающей ошибок!

«Ты неправильно написала! Сяомэй, ты подписался как Сяомэй Ронггуй!» Хана тут же громко сообщила о результатах своих наблюдений!

«Эй?! Ты раньше ровно писал памятные слова на камне?» В конце концов, они с Сяомэем вместе приехали из деревни, поэтому Ронггуй сразу понял, в чём проблема.

Разве они не вырезали надгробия по ходу дела? (Неверно) ~ На самом деле, Сяомэй всегда отвечал за резьбу, и финальная подпись почти всегда была «Сяомэй Ронггуй», что на самом деле означает «Сяомэй и Ронггуй». В результате...

«О нет! Сяомэй, люди подумают, что твоя фамилия — Ронггуй!» — обеспокоенно сказал Ронггуй.

Сяомэй искоса посмотрел на него.

Видя безразличное выражение лица Сяомэй, Ронггуй еще больше встревожился: «Теперь люди будут называть тебя господин Ронггуй!»

Обернувшись, Сяомэй повернул к нему свою задницу и продолжил заниматься своими делами.

Как раз когда Ронггуй собирался позвонить в Ассоциацию фармацевтов и попытаться получить от них еще один листок бумаги, спереди слабо раздался голос Сяомэя.

«В любом случае, ты ведь найдешь в этом городе камень, чтобы вырезать на нем свое имя, верно?»

Ронггуй:???

«Фармакопоя сделана из камня. Я прикасался к ней», — сказал Сяомэй.

Ронггуй:!!!

Рано или поздно вам придется найти в этом городе камень, чтобы высечь на нём своё имя, как память о вашем пребывании здесь, так что воспользуйтесь этой возможностью и сделайте это вместе. В конце концов, фармакопоя сделана из камня и может считаться разновидностью камня.

↑

Ронггуй сразу понял мысли Сяомэя.

Подумайте об этом таким образом...

Кажется, это очень хорошо!

А фармакопоя настолько безопасна, что не нужно беспокоиться о том, что ветер и солнце унесут их названия~

Кажется, это действительно хорошо!

В голове промелькнуло несколько мыслей, и тревога на его лице постепенно исчезла. Наконец, Ронггуй со спокойным выражением лица продолжил работу в целебном саду.

Хана могла только с удивлением смотреть на его и Сяомэя спины, а затем...

Я чувствую себя еще более запутавшимся.

«Ха-ха, не волнуйся. Это их особый способ ладить, и только они двое его понимают», — прошептала миссис Зора маленькой девочке, сидя в кресле-качалке и вяжа одеяло.

«Когда ты вырастешь и найдешь этого человека, ты поймешь», — голос старика был явно холодным, но в этот момент он звучал необычайно нежно.

Она украдкой взглянула на Сяомэя, который медленно работал рядом с ними и, казалось, ничего не слышал. Затем она взглянула на Ронггуя, который сидел на корточках снаружи, копая яму и закапывая травы...

Девочка улыбнулась, слегка изогнув губы.

Таким образом, имена Ронггуя и Сяомэя сохранились в городе Цицере в самом прямом смысле и никогда не были перемещены и использованы в других целях.

<http://bllate.org/book/15026/1328437>